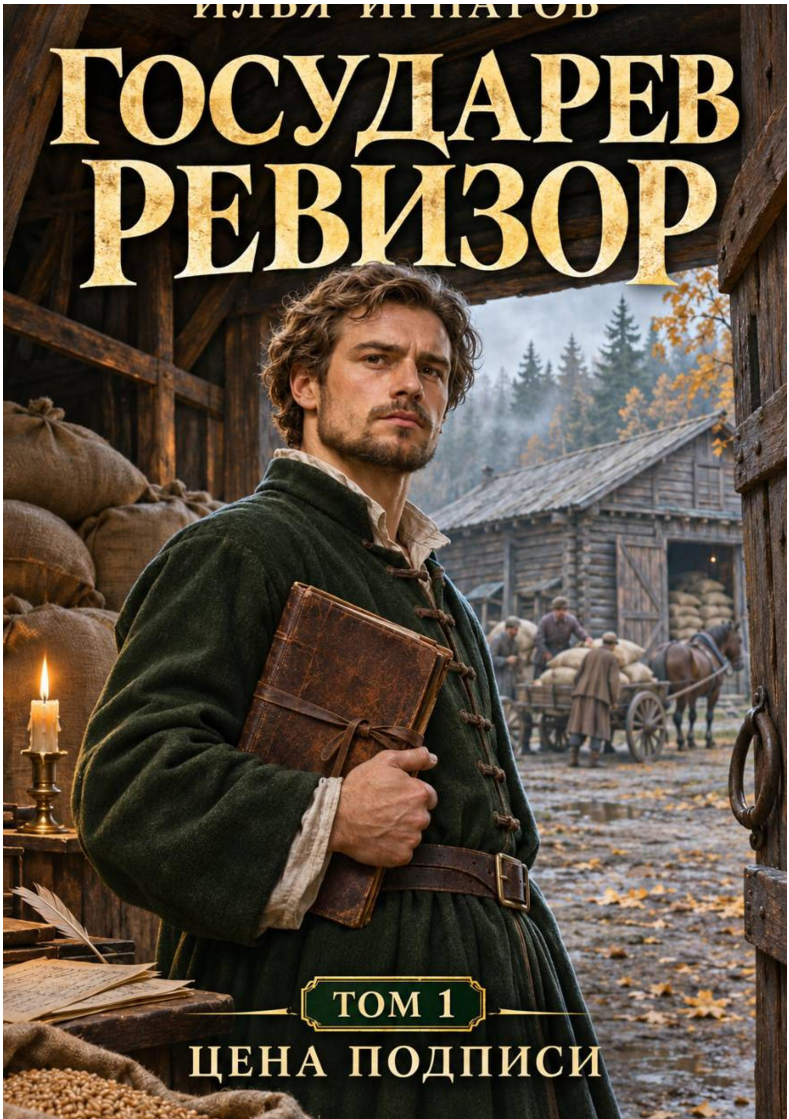

ИЛЬЯ ИГНАТОВ
ГОСУДАРЕВ РЕВИЗОР
ТОМ 1
ЦЕНА ПОДПИСИ

Илья Игнатов

Государев ревизор. Том 1. Цена подписи

https://litres.ru/74788703
SelfPub; 2026

Аннотация

От меня требуют подписать ведомость: восемьсот пудов ржи доставлены, претензий к поставщику нет. Только в амбаре не хватает шестисот. А на прежней приёмке уже стоит моя подпись.

Ещё недавно я был Дмитрием Орловым и разбирал хищения в торговых компаниях. Теперь я — Матвей Ладыгин, небогатый дворянин в России Петра I. На дворе 1718 год, и отвечать за чужую недостачу придётся мне.

Капитан даёт время проверить путь обоза. Но возчики боятся говорить, виноватым назначают кладового, а богатый поставщик предлагает слишком удобное решение. Пока мы считаем мешки, людям урезают хлеб.

Я умею искать украденное. Здесь придётся ещё научиться защищать тех, кто скажет правду. И успеть раньше, чем недостающие шестьсот пудов окончательно превратятся в мой приговор.

Содержание

Глава 1 Подпись 5
Глава 2 Открытый амбар 14
Глава 3 Чужое доверие 24
Глава 4 Кому нужен хлеб 35
Глава 5 Дорога считает иначе 46
Глава 6 Полезный человек 58
Глава 7 Груз и деньги 70
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Илья Игнатов
Государев ревизор.
Том 1. Цена подписи

Илья Игнатов
Государев ревизор
Том 1
Цена подписи

Глава 1 Подпись

От меня требовали подтвердить получение восьмисот пудов ржи. Человек, принёсший бумагу, положил её на стол и подвинул чернильницу к моей правой руке.

— Тут, Матвей Андреевич. Под итогом.

Я посмотрел на перо. Его заострённый конец был расщеплён и испачкан чем-то бурым. За правым ухом у человека торчало второе, запасное. У него были широкое лицо, короткие седые усы и воспалённые веки. На рукаве тёмного кафтана белела мука.

— Сперва прочту, — сказал я.

Голос оказался моложе моего. Я почувствовал, как потянуло кожу под повязкой на виске, и осторожно положил ладонь на стол. Рука была узкая, без шрама над большим пальцем. Тот шрам я получил двадцать лет назад, разрезая упаковочную ленту на складе в Дзержинске. Я мог бы вспомнить фамилию кладовщика, который тогда дал мне пластырь. С собственной рукой всё обстояло хуже.

— Читайте, коли голова позволяет. Вы уж вчера читали.

Он придержал бумагу двумя пальцами, словно опасался сквозняка. Окно было закрыто. В маленькой комнате пахло печной золой, сырыми сапогами и нагретым овечьим жиром. На подоконнике лежала сальная свеча, согнувшаяся посередине. Второго стекла в раме не было, по краям единственно-

го виднелась промасленная бумага.

Я помнил белый потолок своего кабинета. Антон звонил мне, я нажал кнопку на наушнике и услышал: «Пап, ты только сначала дослушай». Что было дальше, не вспоминалось. На столе передо мной тогда стояла кружка остывшего кофе. Здесь кружка тоже была, глиняная, с отбитым краем. В ней плавал кусок хлеба.

— Как ваше имя? — спросил я.

Человек поднял глаза.

— Опять?

— Ударился я крепко.

Он перестал придерживать лист.

— Еремей Максимов. Здешний кладовой служитель. Это вы знаете. Тимофей Данилыч велели: как очнётесь, так и принести. Фельдшер говорил, сон хороший признак.

Последнее он произнёс почти с надеждой. Я убрал руку от пера.

— Где я?

— На Липовом дворе. Где ж ещё? Вас Митька с дороги привёз. Лошадь одна прибежала, он и пошёл искать. Хорошо, недалеко упали.

Пока Еремей говорил, во мне шевельнулось узнавание. Длинный двор, ограда из потемневших брёвен, четыре амбара слева. И этот человек — сутулый, всегда с ключами на ремне, с привычкой снимать шапку, прежде чем сказать неприятное. Узнавание пришло целиком, как знакомый за-

пах. Я не вспоминал, где мы встречались. Просто знал, как он прячет под кафтаном левую руку, когда мёрзнет.

От этого стало страшнее.

Я не спал. Сон не даёт такой боли в шее и такого отчётливого ощущения, что соседний зуб выше остальных. Я провёл по нему языком. Скол на краю. Моего переднего зуба с керамической коронкой здесь не было.

В верхней строке бумаги стояло: «Сентября в 12 день 1718 году». Я перечитал её дважды. Буквы были непривычные, но смысл складывался сам. Ниже шёл перечень того, что я должен был подтвердить: хлеб принят, число сошлось, качество годное, препятствий к окончательному расчёту с подрядчиком нет.

Восемьсот пудов. Я машинально пересчитал — чуть больше тринадцати тонн. Маленькая современная фура. Для этого двора, судя по звукам снаружи, груз немалый.

— Воду можно?

Еремей торопливо взял кружку с хлебом, помедлил и поставил обратно.

— Другую принесу.

За дверью его окликнули. Он вышел в сени, и я услышал низкий, недовольный голос:

— Чего тянет?

— Читать сел.

— Ну и пусть читает. Чай, грамоты не забыл.

В комнате стояла узкая кровать. Возле неё — сапоги, до-

рожная сумка и обломанная шпора. Я узнал сумку. Её шил человек с кривой шеей, у которого в доме пахло чесноком. Кожа обошлась в одиннадцать алтын с мелочью. Зачем я помнил такую ерунду, когда не мог вспомнить, как попал сюда?

Меня звали Дмитрий Орлов. Мне было сорок семь лет. Последние девять лет я руководил проверками в группе торговых и транспортных компаний. До этого работал внутренним аудитором, потом начальником контроля. Я знал, как отличить ошибку кладовщика от аккуратно устроенного хищения, а испуганного сотрудника — от человека, который заранее выучил ответы. У меня был взрослый сын. Он собирался о чём-то мне рассказать.

Я вцепился в край стола и перестал считать пуды.

В дверь заглянул Еремей. Я выпрямился, прежде чем он успел увидеть моё лицо.

— Вот, свежая.

Вода отдавала железом. Я выпил половину, остатком намочил пальцы и провёл по лбу ниже повязки.

— Где ведомости, с которыми сверять?

— Так у вас же выпись. Вчера ещё дали.

Он показал на сундук у стены. Ключ нашёлся на шнурке под рубахой. Внутри лежали две смены белья, полотняный мешочек с монетами и стопка бумаг, завёрнутых в сукно. Верхний лист был исписан моей рукой. Той рукой, которая лежала сейчас на колене. Я понял это так же уверенно,

как узнал Еремея.

«По приёмной росписи Матвея Ладыгина…»

Матвей Андреевич Ладыгин. Двадцать семь лет. Отец — Андрей Степанович, умер. Сестра Дарья осталась у тётки. Дальше память обрывалась, и я боялся нажимать на неё сильнее: казалось, ещё усилие — и расколется голова.

В выписи говорилось о партии ржи, доставленной восьмого сентября. Сто шестьдесят кулей, по пяти пудов в каждом. Приёмка числилась за Ладыгиным и Тимофеем Нечаевым. Подрядчик — Лукьян Семёнович Рогов. Цена — восемнадцать копеек за пуд с доставкой. Всего сто сорок четыре рубля.

Я положил рядом оба листа.

— Саму приёмную роспись принесите.

— Она у Тимофея Данилыча. А может, у подрядчика. Мне не давали.

— Тогда приходную книгу. И расходную, с восьмого числа.

Еремей посмотрел на дверь. В сенях кто-то кашлянул.

— Вам лежать надо, Матвей Андреевич.

— Лягу. После книг.

Вошёл человек с низким лбом и аккуратно подстриженной бородой. Еремей отступил от стола, уступая ему место, и в этом движении было больше сведений о местной службе, чем в любой бумаге.

— Тимофей Данилович Нечаев, — сказал вошедший. —

Стало быть, опять знакомиться будем?

— Вчерашнее плохо помню.

— Потому и говорю: не надобно вам нынче в книги. Подпись положите, отдохнёте. Капитан завтра прибудет, ему покажем, как всё исправно.

Он был одет лучше Еремея: плотное сукно, чистый ворот, медные пуговицы. На сапогах засохла грязь, но не сегодняшняя. Его правая щека подёргивалась возле рта.

— Зачем же моя подпись, если капитан завтра сам посмотрит?

— Вы принимали. Вам и крепить.

— Вот хочу понять, что принимал.

Нечаев подвинул стул и сел. Теперь дверь заслонял он.

— Вы человек молодой. По службе недавно. У старших спросить не стыдно. Здесь хлеб приходит и уходит без передышки. Пока одну подводу свешивают, другую уже разгружают. Бумаги вслед поспевают. Вы нынче затянете, подрядчику денег не дадут. Подрядчик следующую партию не повезёт. Солдатам что прикажете есть?

Где-то за стеной загремело ведро. Женский голос сказал, что детям тоже полагается, а мужской ответил — приходить после полудня.

— Со двора сегодня выдавали? — спросил я.

— Выдавали.

— Сколько осталось?

— В книге написано.

— Тогда зачем спорить? Принесём книгу и посмотрим.

Нечаев провёл пальцами по бороде. Он смотрел на меня с тем вниманием, с каким оценивают испорченный инструмент: можно ли ещё починить или придётся искать замену.

— Вы своей росписи не признаёте?

Вопрос был задан ровно. Еремей перестал перебирать ключи.

Я не знал здешнего права и не имел понятия, что положено за отказ признать собственную руку. Зато хорошо знал, зачем людям бывает нужен немедленный ответ на такой вопрос.

— В выписи моего почерка нет, — сказал я. — Там ваше изложение того, что будто бы написано в другой бумаге. Покажете саму — прочту.

Нечаев впервые отвёл взгляд.

— Еремей, принеси книги. Обе. А вы всё же обождите с ходьбой, Матвей Андреевич. Вчерась вас шатало. Как бы опять не упасть.

Он встал и вышел, оставив дверь открытой. В сенях прошуршала одежда. Я видел, как Еремей ждёт, пока шаги удалятся.

— Сильно вас головой приложило, — тихо произнёс он.

— А прежде я книги не просил?

— Просили. Только по-другому.

Он ушёл. Я добрался до окна и увидел двор, который уже успел вспомнить. Четыре амбара. Кузница под навесом. Две

гружёные дровами телеги возле ворот. У крайнего амбара стояли солдаты в потёртых кафтанах; один поддерживал другого под локоть. Рядом женщина держала за руку мальчика. На нём была взрослая шапка, подхваченная верёвочкой под подбородком.

Солдат снял шапку перед человеком с меркой.

— Вчера обеденного хлеба не додали. Мне за больных получить велено.

— Приказано половину. Я от себя не прибавлю.

Я отошёл от окна. На столе белела бумага: «Препятствий к окончательному расчёту не имеется».

Мне хотелось открыть дверь, выйти за ворота и идти до тех пор, пока не кончится этот двор, эта одежда, эта нелепая дата. В голове всё ещё звучал голос Антона. Я не знал, жив ли я там, где остался мой сын. Возможно, сейчас он сидел возле больничной кровати. Возможно, никакой кровати уже не было.

Но здесь на моё имя была записана приёмка тринадцати тонн хлеба. Людям выдавали половину положенного. И местный начальник почему-то очень хотел, чтобы больной человек подтвердил всё прежде, чем приедет капитан.

От этих обстоятельств нельзя было уйти, просто закрыв глаза.

Еремей вернулся с книгами. Я раскрыл приходную на заложенной щепкой странице. Восемьсот пудов. Ниже, в расходе, несколькими строками значились выдачи. Я сложил

числа на свободном клочке бумаги. Шестьдесят восемь пудов.

Остаток — семьсот тридцать два.

— Который амбар? — спросил я.

Еремей не ответил.

Я поднял голову. Он смотрел на мои пальцы, сжимавшие перо.

— Словами скажите, — попросил я. — Я сейчас туго понимаю намёки.

— Второй. От ворот.

— А ключ у вас?

Он осторожно достал связку из-под кафтана.

— У меня.

Я придвинул к себе чистую бумагу. Новую итоговую ведомость Нечаева оставил на краю стола, под кружкой.

Подписывать её я не собирался.

Глава 2 Открытый амбар

Сапог не налезал на левую ногу. Я сидел на краю кровати, держал его за голенище и пытался понять, что мешает. Потом заметил, что чулок сбился под пяткой.

Еремей смотрел с порога.

— Позвольте подсобить.

Мне понадобилось усилие, чтобы отдать ему сапог. В прошлой жизни я давно привык делать такие мелочи сам. Здесь чужой пожилой человек встал передо мной на колено, поправил чулок и потянул за кожу. Я придержал его за плечо.

— Спасибо. Дальше сам.

Он удивился, но спорить не стал. Поднялся, пошевелил затёкшим коленом и отвёл взгляд. На его руке не хватало ногтя на указательном пальце. Поднятая им связка звякнула о пряжку.

Я надел кафтан, лежавший на сундуке. Рука сама нашла застёжку под воротом. Память тела знала больше, чем я, и делала это так буднично, что становилось не по себе. Когда я попытался представить лицо сестры Матвея, возникло короткое, живое воспоминание: девочка стоит на лавке, чтобы дотянуться до верхней полки, и сердится на брата за смех. Детское лицо пропало, оставив ощущение, что эту девочку нельзя обижать. Сколько ей сейчас лет, я знал — девятнадцать. Как она выглядела теперь, вспомнить не мог.

В сенях оказалось холоднее. На полу стояли башмаки, прислонённая к стене лопата и ведро с водой. Кто-то приспособил обломок доски под ступеньку. Двор встретил меня ветром и очень сильным запахом мокрого навоза.

Впервые за утро всё происходящее приобрело объём. Я видел не декорацию за окном, а следы колёс, глубокую лужу возле ворот, пар над лошадиной спиной. От амбара к сараю шёл человек с мешком на плечах. Он переступал осторожно, выбирая место, куда поставить ногу. Мне хватило одного взгляда на груз, чтобы понять: пустую рогожу он так бы не нёс.

— Куда? — спросил я.

Еремей обернулся.

— Овёс. К конюшне.

Я не стал останавливать носильщика. У меня не было ни сил, ни права проверять всё сразу. Я принёс бы больше пользы, если бы удержал в голове одну задачу.

Возле второго амбара солдат возился с ремнём на сапоге. Я спросил, может ли он побыть при осмотре. Тот поднялся.

— А приказ чей?

Это был первый правильный вопрос за всё утро.

— Я записан в приёмке. Хочу посмотреть хлеб, прежде чем подтвердить остаток. Еремей откроет. Вас прошу видеть, что мы делаем. Распоряжаться караулом я не собираюсь.

Солдат почесал шею под воротом и посмотрел на Еремея.

Тот кивнул. Этого оказалось достаточно, чтобы караульный остался возле двери, но ружьё он положил так, чтобы при необходимости взять одним движением.

Замок открылся со скрежетом. Еремей потянул дверь на себя, и изнутри пахнуло сухой пылью. Мой спутник вздохнул, будто получил отсрочку болезни: сырость была бы ещё одним поводом спросить с него.

Света хватало, чтобы увидеть заднюю стену.

Мешки лежали в два ряда на деревянном настиле. Под дальней стеной стояли пустые кули. Рядом — большая мерка, деревянный совок и коромысло весов, уложенное на козлы. Я остановился у порога и пересчитал видимые мешки. Потом прошёл между рядами и пересчитал ещё раз.

— Двадцать шесть полных, — сказал я. — И этот начатый.

— Столько, — подтвердил Еремей.

В тёмном углу мог бы скрыться человек. Шестьсот пудов хлеба там спрятать было невозможно.

— В другом месте этой партии нет?

— Мне не поручали.

— Я спрашиваю не про поручение. Где ещё лежит рожь Рогова, привезённая восьмого числа?

Еремей потёр пальцем край двери.

— Здесь положили.

Я положил книги на крышку пустого ларя. В расходной были записи о выдачах солдатам, больным, людям при обозе и дворовым работникам. Несколько получателей приложи-

ли руки; вместо подписей за неграмотных расписался служитель. Строки выглядели вполне обычными. Для начала я переписал их отдельно, сохранив порядок дат.

Караульный заглядывал через моё плечо.

— Чего тут складывать? Еремей и так знает, что осталось.

— Мне нужно знать самому.

— А зачем тогда книгу?

— Чтобы сравнить то, что есть, с тем, что должно быть.

Он подумал.

— Так не будет сходиться. Тут всё время не сходится.

Сказал он это без злорадства. Просто пояснил человеку, который мог не знать местного порядка.

Я спросил, где ставят весы. Еремей привёл двух работников. Один был молодой, краснощёкий, другой хромал и дышал с присвистом. Они подняли коромысло, проверили, как ходит подвес, и поставили на чашу гирю. Я попросил взвесить пустой куль и показать, какими гирями отмеряют пуд.

— За нами прежде не перевешивали, — сказал хромой.

— Хорошо, что прежде не понадобилось. Сегодня понадобится.

Я говорил спокойнее, чем чувствовал себя. Каждое резкое движение отзывалось под повязкой. Солнце слепило, в животе было пусто. Но привычная работа помогала: к весам можно было приложить руку, мешки — пересчитать. В отличие от года, написанного наверху ведомости.

Еремей снял с ремня ключ поменьше и открыл ящик с ги-

рями. На большой был выбит знак, на малых — насечки. Поверять их мне было нечем. Я записал, какие брали, и попросил обоих работников оставаться при взвешивании до конца.

— Которые полные, по пяти пудов, — пояснил Еремей. — С рогожей больше.

Мы взвесили пустой куль, потом три полных из разных мест. Вес немного различался, но шести сотен пудов эти отклонения не объясняли.

Подошла женщина, которую я видел из окна. Мальчик тащил за ней пустой мешок. Она остановилась у самого настила.

— Опять запечатывать станете?

— Почему опять? — спросил я.

— Когда хлеб плохой был, запечатали. Потом за хорошим стояли. Потом велели ждать бумаги. У меня двое. Этот хотя бы ходит.

Мальчик сопел в широкий ворот. На левой руке у него не было рукавицы. Он спрятал её под мышку, заметив мой взгляд.

— Сегодня у вас кто выдаёт?

— Он и выдаёт, — ответила женщина, кивнув на Еремея. — Только приказали ему мало.

Еремей стал объяснять, что положенного он не урезал и сколько велено, столько отпускает. Говорил он ей, а смотрел на меня. Караульный велел женщине отойти, не мешать господину считать.

— Пусть останется, — сказал я. — Как вас зовут?

— Анисья.

— Запечатывать весь амбар я не распоряжался. Что вам положено и что вы получили, хочу выяснить. Еремей, найдите её запись.

— Ей не отдельно. По команде.

Тут я едва не сделал первую глупость. Мне очень хотелось приказать выдать ей хлеб немедленно. Для этого хватило бы одного слова: Еремей не посмел бы спорить перед солдатом. Но я не знал ни оснований выдачи, ни того, у кого отберу это количество завтра. Пришлось проглотить готовое распоряжение.

— Тогда по команде, — сказал я. — Узнаем, кто получает за всех.

Анисья посмотрела на меня без особенной надежды. Вежливые слова она уже слышала.

Работники выносили и ставили мешки. Я записывал, Еремей повторял числа. На одном куле шов разошёлся; молодой подхватил его снизу, и зерно всё-таки просыпалось на доски. Мальчик бросился собирать его раньше, чем мать успела остановить. Еремей дал ему совок.

— Вон в ту мерку. С полов не бери, только с настила.

Дело шло медленно, зато я видел весь запас. Под конец пришлось присесть на перевёрнутое ведро. Хромой работник принёс воды и молча поставил рядом. Откуда-то из-под мышки он вынул узелок, развернул и предложил мне поло-

вину луковицы.

— Голове легче станет.

Я поблагодарил и отказался. Есть сырой лук на пустой желудок мне пока не хотелось. Но запомнил человека. Он помог мне без приказа и не ждал от этого выгоды.

К концу взвешивания у ворот появился Нечаев. Он не подошёл сразу, осмотрел работников, солдата, женщину и мальчика. Потом выдернул из-за пояса платок.

— Чего народ собрали?

— Проверяем остаток.

— Хлеб людям нужен, а вы его таскаете взад-вперёд.

— Закончили уже. По книге должно быть семьсот тридцать два пуда. Здесь около ста тридцати двух. Счёт выдач за четыре дня я выписал. Если есть ещё расход, покажите.

Нечаев взял у меня лист. Перечитал. На слове «около» задержался и провёл по нему ногтем.

— Сами не знаете, сколько. А шуму.

— Уточним до фунта, если нужно. Шестьсот пудов от этого не появятся.

Караульный перестал вертеть ремень. Я услышал, как за спиной Еремей втянул воздух.

Нечаев посмотрел на них, потом снова на меня.

— Вам разъясняли: хлеб двигается. Есть наряды. Есть веления старших. Не всё вам видеть положено.

— На какой двор перевезли?

— Узнаем. Я сам здесь не каждую подводу принимаю.

— Тогда запишите, кто велел и кто повёз. А в итоговой ведомости нужно отразить перевозку. Сейчас там говорится, что препятствий к расчёту нет. Получается, есть: мы не знаем, где большая часть партии.

Он медленно сложил мой лист вдвое и протянул обратно.

— Капитан с вами сам разберётся.

Мне очень хотелось ответить, что я на это и рассчитываю. Я промолчал. Капитан был пока только словом, а Нечаев стоял передо мной и распоряжался людьми.

Я попросил Еремея записать результат осмотра в присутствии тех, кто взвешивал. Он вымыл руки, сел за ларь и долго выводил первую строку. Капли пота выступили у него на переносице. Подпись караульного оказалась маленькой, неуверенной. За обоих работников расписался Еремей с пояснением, что они были при счёте и подтвердили его вслух.

Нечаев не подписал. Положил ладонь на книгу и велел отнести её к себе.

— Книги останутся до капитана, — сказал я.

— А вы мне приказывать поставлены?

На этот вопрос у меня не было хорошего ответа. Я мог вцепиться в переплёт и устроить драку, которую в лучшем случае проиграл бы. Вместо этого переписал при Нечаеве номера листов, даты выдач и итог. Свой экземпляр осмотра убрал под кафтан. Второй отдал Еремею.

Нечаев смотрел на это с возрастающей неприязнью. Потом велел закрывать амбар.

Когда я повернулся к комнате, Анисья догнала меня и показала в сторону навеса. Там сидел худой человек, обмотав голову платком. Его сапоги стояли рядом: ноги распухли и не помещались в голенищах.

— За больных он ходил, — сказала она. — Данила. Ему с другим человеком выдавали. У него спросите, сколько додали.

Я кивнул. Она подождала, пока я запишу имя, и только после этого увела сына. Записанное имя подействовала на неё сильнее, чем мои обещания.

До комнаты я дошёл сам. Еремей принёс поесть: жидкую кашу и кусок ржаного хлеба. Я впервые за день съел что-то тёплое и понял, насколько вымотался. За окном застучал дождь. На пол легла длинная полоска воды — через щель в раме.

Я составлял короткое объяснение для капитана. Старался отделять то, что видел, от того, что предполагал. Принято по выписи — восемьсот. Израсходовано по предъявленной книге — шестьдесят восемь. Наличность — около ста тридцати двух. Местонахождение остального не установлено. Кладовой служитель говорит, что другой партии на хранение не получал. Нечаев ссылается на перевозку, подтверждения пока не предъявил.

Получилось семь строк. В своей прежней работе я иногда тратил неделю, чтобы добиться от подчинённых такой простоты.

Когда стемнело, к двери подошёл караульный. Тот самый, что был при весах. Он переминался в сенях, держа ружьё за ремень.

— Мне велено тут побыть.

— Кем?

Он отвёл глаза.

— Тимофеем Данилычем. Чтоб вам опять не упасть. До капитана.

Я посмотрел на низкое окно, на мокрый двор за ним. Даже если бы смог вылезти, идти мне было некуда.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Гаврила.

— Гаврила, ты сегодня при взвешивании был. Хорошо, что остался.

Он помолчал.

— Я что видел, то видел, Матвей Андреевич.

С этими словами он сел возле двери. Поставил ружьё между коленями, снял мокрую шапку. Я слышал, как вода капает с её края.

У меня за пазухой лежал единственный экземпляр бумаги, на которой было записано увиденное. Я вынул его, положил на сундук и сделал копию. Почерк получился неровным. На последней строке я впервые по-настоящему расписался чужой рукой: Матвей Ладыгин.

Глава 3 Чужое доверие

Ночью я просыпался от шагов в сенях. Гаврила выходил во двор, возвращался и долго отряхивал кафтан. Потом начинал кашлять. По этому кашлю я различал его даже сквозь сон.

Один раз он заглянул ко мне. Поднёс свечу к кровати, убедился, что я лежу, и хотел уйти. Я попросил поставить кружку ближе. Он подвинул её и, уже держась за ручку двери, сказал:

— Я ведь вас не сторожем поставлен. Для сохранности.

— Понимаю.

Он вздохнул с облегчением. Ему хотелось, чтобы мы оба придерживались этого объяснения.

На рассвете я смог встать без тошноты. Под повязкой засохла корка, рубаха прилипла к боку. Я отмылся как сумел и впервые разглядел себя в маленьком мутном зеркале, найденном на дне сумки. Худое лицо, короткая борода, светло-карие глаза. На меня смотрел человек, которому я не доверил бы ответственную проверку без старшего напарника. Он выглядел усталым и упрямым. Судя по всему, вчера окружающие увидели в нём что-то новое.

Я отвёл взгляд от зеркала раньше, чем захотелось искать в чужом лице собственные черты.

Капитан прибыл, когда Еремей принёс завтрак. Сначала

во двор въехал верховой, осмотрел ворота и навес. За ним показалась повозка с небольшим сундуком, обёрнутым кожей. Второй солдат вёл запасных лошадей. Суеты было гораздо меньше, чем я ожидал от человека, которого здесь боялись со вчерашнего дня.

Нечаев вышел встречать у самых ворот. Я видел, как он снял шапку и заговорил, едва повозка остановилась. Капитан слушал его, не слезая. Потом указал на конюшню и на дом, где располагались служебные комнаты. Нечаев торопливо закивал.

Гаврила поднялся со скамьи. Натянул шапку и стал у двери.

— Мне к нему, — сказал я.

— Пока не велено.

Я вернулся к столу. Насильно уходить было бы плохим способом познакомиться с новым начальником. Развернул вчерашнюю записку, проверил цифры и обнаружил, что последние две строки написал гораздо крупнее первых. Рука устала. Я принёс её себе под подбородок и внимательно рассмотрел мозоль на среднем пальце. У Дмитрия Орлова такой давно не было.

Ждать пришлось с четверть часа. В сени вошёл широкоплечий солдат с коротким ружьём на ремне. Он посмотрел на Гаврилу, на его лавку, на мою открытую дверь и без вопросов понял больше, чем хотелось бы Нечаеву.

— Ладыгин?

— Я.

— Капитан к себе просит. Бумаги возьми.

Он не стал трогать меня за локоть. Только подождал, пока я надену кафтан. На его щеке белела старая вмятина, а левый ус был чуть короче правого. Возраст я дал ему за тридцать. Он шёл на полшага впереди, не заставляя меня спешить.

В большой комнате пахло мокрыми плащами. Капитан уже снял дорожную одежду и сидел за столом, который Нечаев прежде занимал один. Рядом, на узкой лавке, молодой человек разбирал перья и раскладывал бумаги. Он посмотрел на мою повязку и молча подвинул свободный стул.

— Савва Егорович Беклемишев, — представился капитан. — Садись, коли голова кружится.

У него были редеющие волосы, покрасневшая от ветра шея и тяжёлые, внимательные глаза. Он не старался казаться грозным. Мне это понравилось меньше, чем если бы он сразу повысил голос.

— Мне сказали, ты память потерял.

— Вчерашнее и несколько дней перед тем плохо помню. Считать могу.

Нечаев, стоявший у окна, сделал движение, похожее на улыбку. Беклемишев его не поддержал.

— Считать здесь многие могут. Мне понять надо, способен ли ты отвечать за сказанное.

— За то, что сам видел, отвечу. Чего не видел, объяснить не смогу.

— Хорошо. Начинай с увиденного.

Я положил на стол осмотр и семь строк объяснения. Капитан не взял их сразу, сначала выслушал меня. Не перебивал, пока я перечислял остаток и расход. Когда я упомянул выпись приёмки, протянул руку за бумагой.

Молодой человек взял второй лист. Я услышал, как он негромко складывает числа, и заставил себя не помогать. У проверяющего должно быть время проверить.

— Семьсот тридцать два, — сказал он капитану. — По представленному расходу правильно.

— А осмотр?

— Крепили Еремей Максимов и караульный Гаврила. За работников тот же Еремей. Указано, что находились при весах. Меры описаны, но сверки гирь нет.

— Проверенной гири не было, — сказал я.

— Я вижу. Пишу, чего нет.

Он ответил без неприязни. Я кивнул.

Капитан перевёл взгляд на Нечаева.

— Где хлеб?

— Разослан, ваше благородие. Надлежит собрать памяти, от кого какие наряды были. Человек я тут не один.

— Сколько разослано?

— Матвей Андреич нынче всё по своей разумности воспринял. Не спросивши...

— Сколько?

Нечаев замолчал. Потом сказал, что без книг не помнит.

Книги лежали у него в комнате. Я знал это, он знал, что я знаю. Беклемишев велел принести их и до окончания разговора ничего не объяснять. За Нечаевым пошёл солдат, который привёл меня.

Когда дверь закрылась, капитан постучал пальцем по выписи.

— Здесь твоё имя. Ты говоришь, принимал не ты?

— Не говорю. Мне нужно увидеть саму роспись. По выписи понять нельзя, что именно там подтверждено.

— Ты служить сюда прислан за грамотность и счёт. Правильно?

Я не знал, кем Матвей был прислан и на каких условиях. Чужая память подсказала узкую комнату, чужой стол, голос: «Пока при провианте побудешь». Этого было мало, чтобы врать уверенно.

— С провиантскими счетами работал. Здесь временно.

— Вот тебе и работа. Ты, Ладыгин, покуда и сам при деле состоишь. Никакого обвинения я с тебя заранее не снимаю. И награды за то, что сам за собой не досмотрел, не обещаю.

Он говорил спокойно. Я ощутил, как под воротом выступил пот.

— Понял.

— Не поручусь, что понял. Меня сюда прислали по жалобам на провиантское нестроение. Не тебе одному верить и не одному Нечаеву. Проверять будем всех, кто к этим деньгам и хлебу руку прикладывал. Твоё место пока здесь.

Я посмотрел на сундук с бумагами. На нём висел новый замок. Молодой писарь уже приготовил полоску чистого листа для заголовка дела.

За годы проверок я привык приходить на чужой склад с письмом генерального директора и правом остановить платёж. Теперь я сидел по другую сторону стола, не знал собственного прошлого и мог оказаться самым удобным виноватым. На этой стороне каждое вежливое слово начальника слышалось иначе.

— Прошу только не оставлять ключи и книги у одного человека, — сказал я. — До сверки.

Беклемишев посмотрел на меня чуть дольше.

— Это дельное. Ещё что?

— Разделить проверку. Наличное отдельно, выдачи отдельно, путь подвод отдельно. Иначе все будут ссылаться друг на друга.

— А ты как думал, мы здесь поступим?

Молодой человек спрятал улыбку, наклонившись к чернильнице. Я почувствовал себя человеком, который предложил плотнику сперва наточить топор.

— Не знаю, — признался я. — Вас ещё не видел в работе.

Капитан неожиданно хмыкнул.

— Увидишь. Яков, запиши, что Ладыгин поясняет. И его записку приложи. Подлинник осмотра возьми. Экземпляр у тебя есть?

— Есть.

— Где?

— В комнате. Переписал вчера.

— Принеси после. Сверим и крепить станем. Не теряй только разницы между тем, что при людях написано, и тем, что ты себе переписал. Твоя копия подлинник осмотра не заменит.

Я понял, что с этим человеком можно будет работать. Легче от этого не стало.

Вернулся Нечаев. Вместе с ним пришёл Еремей, держа обе книги на вытянутых руках. Солдат нёс связку ключей. Он положил её на стол перед капитаном и встал у двери.

Дальше разговор шёл медленнее. Яков проверял записи, спрашивал, кто вносил строки и кому выдавали хлеб. Еремей отвечал, поправляя себя, когда вспоминал точнее. Нечаев дважды пытался ответить за него. На третий раз капитан велел ему выйти и подождать.

Выяснилось, что распоряжения о сокращённых выдачах Нечаев отдавал устно. По словам Еремея, наличного хлеба не хватало, а новой партии ждали со дня на день. Восемьсот в приход занесли по сводной приёмке. Сам Еремей видел только ту рожь, которую положили во второй амбар. Сколько подвод вошло, он не считал: разгружали дворовые работники, которыми распоряжался приказчик подрядчика.

— Значит, под росписью, что восемьсот принял, ты своей руки не клал? — спросил Беклемишев.

— Нет, ваше благородие. Я по книге храню.

— А кто книгу так написал?

— Павел, писец Тимофея Данилыча. Из его людей. Потом я расход вёл.

Капитан велел разыскать того писца и снять показания отдельно. Яков сделал помету. Дело, которое я ещё вчера видел одной недостачей, начинало распадаться на работу нескольких людей. Среди них был и я, точнее, человек, чьё место я занял.

К полудню Беклемишев сам пошёл в амбар. На этот раз присутствовали все, кто был при вчерашнем счёте. Гаврила подтвердил свою подпись и не стал ссылаться на то, что был поставлен сохранять меня от падений. Работники снова показали, какие мешки поднимали. Весы поставили на ровное место. Мы повторили контрольное взвешивание.

Клим — так звали сопровождавшего меня солдата — принёс с повозки небольшую гирю из капитанского имущества. С ней сверили местную. Разница была недостаточной, чтобы объяснить даже один отсутствующий мешок. Яков записал уже точнее, чем мы вчера: принятые показания весов, состояние кулей, отдельно россыпь в мерке.

Нечаев стоял под навесом и молчал. Теперь он не мог сказать, что всё придумал ударившийся головой молодой человек.

После осмотра капитан собрал нас в комнате. Изложил порядок, понятный даже мне. Ключи от хлебного амбара остаются у Еремея, но выдача только при назначенном сол-

дате, с отдельной записью. Книги берёт Яков, Еремею оставляют выпись нужных текущих строк. Нечаев до следующего утра представляет основания всех отправок, на которые ссылается. Подрядчику посылают требование явиться и предъявить приёмные бумаги.

— А за пайки кто станет отвечать? — спросил Нечаев. — Вы всё остановите, люди ко мне пойдут.

— Текущую выдачу не останавливаю. Посмотрим список и остаток. Где убавлял, объяснишь отдельно.

Нечаев поджал губы. Впервые я увидел, что он боится не только за свою власть на дворе. Капитан действительно мог спросить с него за урезанный хлеб.

Мне Беклемишев отвёл семь дней на первичное восстановление пути партии — без права уезжать далеко, без самостоятельных приказов, с обязанностью докладывать о каждом существенном обстоятельстве. Общую выписку по поручению он должен был отправить к началу октября. За это время требовалось установить, где хлеб, и обеспечить дальнейшее снабжение двора.

— Ты хорошо пишешь выводы на полях, — сказал он, оставив меня после остальных. — Посмотрю, как спросишь с живого человека. Только не обещай ему того, чего дать не можешь.

— Защитить свидетеля, например?

— Для начала не зови свидетелем каждого, кто тебе что-нибудь на дороге скажет. И не обещай, что его долг простят,

дом сохранят и за прежнее не спросят. Спросить могут. Ты этого знать не можешь.

Он смотрел на меня так, будто уже не раз видел людей, которые покупают правду чужой безопасностью.

Я вспомнил Гаврилу у двери. Он подписал осмотр, не спросив, чем это для него обернётся.

— Понял, Савва Егорович.

— Вот это запомни. Счёт мы поправим. Человека после не всегда поправишь.

В сенях Клим протянул мне шапку. Я не заметил, когда оставил её на лавке.

— Ты где стоять будешь? — спросил я.

— Рядом с тобой. Коли уедешь — поеду. Коли опять считать станешь — посижу.

— Стеречь меня?

— И тебя тоже.

Он ответил без попытки смягчить сказанное. Почему-то это успокоило больше, чем ночные объяснения Гаврилы.

У ворот ссорились двое возчиков. Один требовал дать ему овса в долг, другой говорил, что в прошлый раз за долг пришлось отрабатывать два лишних рейса. Клим послушал их и отвёл меня в сторону.

— Начинать с этих не советую. У одного язык быстрый, другой ему задолжал. Они тебе и коней с восемью ногами насчитают, лишь бы друг другу подгадить.

— А с кого посоветуешь?

— С того, кто дорогу помнит. Лошадь по книге не накормишь. Где кормили, там и след ищи.

Я посмотрел на него внимательнее.

Вчера мне казалось, что больше всего нужен человек, способный подтвердить правильность моих чисел. Теперь я начинал понимать, что без человека, знающего здешнюю дорогу, ни одно число не доведёт меня до хлеба.

Глава 4 Кому нужен хлеб

После капитанского осмотра двор словно стал меньше. Люди всё так же таскали дрова, водили лошадей и кричали у ворот, но теперь каждый замечал, кто с кем разговаривает. Нечаев прошёл мимо Еремея, не взглянув на него. Двое работников проводили Нечаева глазами и тут же разошлись в разные стороны.

— Поесть бы тебе, — сказал Клим.

— Сначала Данилу найду.

— Это который с ногами? Он далеко не убежит.

Солдат не шутил над больным. Он просто считал, что человеку с разбитой головой полезнее сперва поесть. Я начал бы возражать, если бы в животе не свело так, что пришлось остановиться. Клим молча повернул к кухне.

Нас усадили у края длинного стола. Повариха поставила перед ним миску, передо мной — такую же, потом посмотрела на мой кафтан и хотела забрать. Я удержал её за край.

— Мне это подойдёт.

Клим попробовал похлёбку и достал из-за пояса маленький свёрток. В нём оказалось сало. Он отрезал два тонких ломтя, один положил на мой хлеб.

— Сколько? — спросил я.

— За что?

— За сало.

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Ладыгин, ты в самом деле шибко ударился. Ешь. Рассчитаемся, коли понадобится.

Я ел осторожно. От горячего ломило челюсть. Сало было солёное, с жёсткой шкуркой. Никогда прежде я не замечал, сколько удовольствия может дать такой маленький кусок. В прошлой жизни я часто пропускал обед ради совещания, а потом раздражался, если ужин приходилось ждать двадцать минут. Вспоминать это здесь было неловко.

На другом конце стола трое работников делили буханку. Старший резал её ножом, прикидывая толщину кусков. Самый молодой протянул руку за горбушкой, но увидел взгляд соседа и убрал. Повариха перевернула пустой котёл, провела по дну деревянной лопаткой. Звук получился громкий, неприятный.

— Вас капитан хлебом кормит? — спросил я Клима.

— Нам дача положена. Когда выдают. В дорогу своё брали.

— Давно при нём?

— Четвёртый год.

— И как?

Клим откусил хлеб и долго жевал, прежде чем ответить.

— Лишнего не обещает.

Похвала была короткая. Я запомнил её лучше, чем если бы мне рассказали о десяти спасённых капитаном людях.

Данила сидел возле кузницы. Его ноги лежали на обруб-

ке доски, завёрнутые в старое одеяло. Рядом стояла кружка с тёмным настоем. Он разглядел меня, попытался опустить ноги и поморщился.

— Не вставай, — сказал я. — Хочу про выдачи спросить.

— Опять по недовесу?

— Сколько положено и сколько получали.

Он покачал головой.

— Которым положено, уже давали. Мы за тех ходили, кому самим не дойти. Половину мерки нам срезали. Сказали, следующей дачей прибавят.

— Кто сказал?

— Приказчик. Нечаев.

Я достал бумагу. Данила увидел перо и заговорил медленнее. Он был из команды, которую задержали на дворе из-за больных и повреждённых подвод. Часть людей продолжила путь, часть оставалась. Вместе с ними жили несколько семей работников, приписанных к обслуживанию двора. Положенный запас получали общей выдачей на назначенного человека. Потом делили сами.

Я несколько раз переспросил, кто именно делил. Данила терпеливо объяснял. Стало ясно, что последняя четверть хлеба могла исчезнуть уже после того, как её вывезли из амбара. Нечаев отвечал за недодачу, но все жалобы автоматически на него перекладывать было нельзя.

— При тебе людям отдавали?

— При мне. И при Анисье. Она за своего больного брата

стояла, у него в сенях лежит. Муж-то её с обозом ушёл. Кто чего берёт, она упустит разве.

Я попросил позвать Анисью. Клим ушёл за ней, а я остался с Данилой. Тот смотрел, как я перечитываю записанное, и наконец спросил:

— Меня теперь с Еремеем ставить станут? Кому сколько выдал?

— Спросить должны.

— Он-то тут при чём? Он меркой не стриг. У него самого хлеба нет.

— У него и спросим. Хочу, чтобы каждый отвечал за своё.

Данила снял платок с головы, сложил и снова надел. Лицо у него было серое, под глазами синели глубокие впадины.

— За своё, — повторил он. — Это бы хорошо.

Анисья пришла быстро. Мальчика с ней не было. Она принесла небольшой узелок с обломками лучины и ниткой, на которой были завязаны узлы. Я сначала решил, что это какое-то домашнее суеверие. Оказалось — её счёт. На каждый день выдачи отдельный узел, на каждый недоданный ковш зарубка. Писать она не умела, но забывать, что забрали у её семьи, не собиралась.

Клим присел рядом и попросил показать, где какой день. В его голосе не было снисходительности. Он отнёсся к нитке так же внимательно, как Яков к книге.

Пока мы разбирались, я вспомнил женщину из бухгалтерии в Кирове. Она записывала в блокнот всё, что обещал

директор филиала: даты, суммы, кто присутствовал. Директор смеялся над её блокнотом. Через полгода этот блокнот помог восстановить платежи, пропущенные в трёх программах. Люди, которым многое недодают, быстро находят способ помнить.

Анисьин счёт сходился с Данилиным. Ещё двоих получателей привели с кухни. Яков явился сам, заинтересовавшись, почему мы собрались у кузницы. Он принёс чистую бумагу и стал записывать пояснения так, чтобы потом можно было спросить с каждого, кто что подтвердил.

С получателями я разговаривал привычными словами, а Яков переводил их в местную служебную речь. Несколько раз он останавливал меня:

— Погоди. Он не сказал «не получил». Он сказал, что за него получил другой. Другого надо спросить.

Я соглашался. Мне нравилась его въедливость, хотя иногда хотелось поторопить. На этой стороне дела любая небрежная фраза могла обернуться караулом у чужой двери.

К вечеру капитан принял нас с двумя списками. В первом были подтверждённые выдачи из амбара, во втором — то, что дошло до получателей. Расхождение касалось последних дней. Оно не объясняло шестьсот пудов, но было достаточно большим для людей, которым приходилось делить хлеб тонкими ломтями.

Нечаев явился по вызову в чистом кафтане. На разговор он принёс собственный список. В нём больных было меньше,

а часть семей вообще отсутствовала.

— Они тут лишние, — сказал он, постучав по бумаге. — Где велено за ними провиант отпускать?

— Покажи основание, на котором прежде отпускал, — ответил капитан.

Нечаев объяснил, что люди остались при дворе временно. Некоторым выдавали по распоряжению проезжавшего старшего офицера, других привели работники. Пока хлеб был, давали вместе. Потом стало мало, он и распорядился урезать всем понемногу.

— Свою долю урезал? — спросил Беклемишев.

Нечаев не ответил сразу. Я заметил, как капитан положил ладонь поверх его списка, не позволяя забрать.

— Я по положению получаю.

— Остальные тоже хотят по положению. Я о том и спрашиваю.

Дальше началась работа, гораздо менее приятная, чем требовать справедливости. Каждого пришлось отнести к определённой группе. Кому выдача подтверждена, кого надо содержать до отправки, кто работает на дворе, а чьё содержание следует выяснять отдельно. Капитан не мог превратить список в мешок без дна. Я тоже не мог честно написать, что любой вошедший в ворота должен получить казённый хлеб.

Я предложил выделить ближайшую выдачу тем, чьи основания не оспаривались, а на остальных составить отдельный запрос с именами. Больных до ответа накормить из той части

запаса, которую капитан мог отпустить на нужды задержанной команды. Каждую выдачу записать отдельно, без растворения в общей сумме.

— А после что? — спросил Нечаев. — Станете людей по именам считать, остаток оттого не вырастет.

Он был прав. Мне пришлось это признать.

— Не вырастет. Надо посылать за новым хлебом сейчас. До того, как закончится этот.

— Так Рогов и привезёт. С ним расчёт задержали, а с другого кто поедет?

— С другого и спросим, — сказал капитан.

Он продиктовал Якову требование в Новгород: подтвердить остатки и ближайшие отправки на двор, сообщить, какой провиант можно направить дополнительно. Отдельно велел узнать о местных продавцах. Поручение было выполнимым, но я видел, что оно потребует денег, которых на столе не лежало.

Мы с Яковом пересчитали ближайшие нужды. До нового подвоза требовалось беречь каждый пуд, не превращая бережливость в прежнюю произвольную недодачу. Я разделил лист на три части: что есть, что выдаём, чего ждём. Яков посмотрел на разметку, взял другой лист и переписал аккуратнее, добавив даты и подписи получателей.

— Твои черты кверху едут, — сказал он. — Через неделю сам не разберёшь.

Я хотел объяснить, что привык работать иначе, но вовре-

мя остановился. От объяснения, что мне недостаёт компьютера, лучше не стало бы никому.

Беклемишев утвердил выдачу двадцати шести пудов. Шестнадцать — по проверенным назначениям, десять — на больных и задержанных при команде, с отдельной записью. На дворе оставалось около ста шести. Я написал это число и подчеркнул. Времени мы не купили — только перестали красть его у самых слабых.

Еремей получал распоряжение обеими руками. Вслух повторил, кому и сколько. Потом спросил, нужно ли запечатывать амбар после каждой выдачи.

— По окончании, при карауле, — сказал капитан. — Чтобы завтра опять считать не приходилось. И никто один туда не входит.

Еремей кивнул. Я заметил облегчение на его лице. Второй человек у двери мог быть надзирателем, но мог стать и свидетелем того, чего Еремей не делал.

Выдавали уже при заходящем солнце. Я стоял в стороне, чтобы не мешать. Люди не благодарили нас торжественно. Они проверяли мерку, задавали вопросы, просили учесть того, кто не дошёл. Один мужчина принёс старую расписку, помятую и залитую жиром. Яков взял её двумя пальцами, расправил на доске и прочитал, не побрезговав.

Анисья пришла с обоими детьми. Младшая девочка спала у неё на руках, уткнувшись в плечо. Старший придерживал мешок. Увидев меня, он поднял свободную руку — ту, на

которой вчера не было рукавицы. Я кивнул в ответ.

— Всё получили? — спросил я у Анисьи.

— Нынче всё.

Она произнесла это осторожно, оставляя за собой право завтра спросить снова. Так и следовало.

Еремей отмерял рожь ровно, придерживая мерку ладонью. На следующую выдачу подошла пожилая женщина с пустой корзиной. Он увидел её и на мгновение замер. Затем открыл другую страницу, что-то проверил и выдал через общего получателя. Я отметил эту задержку, не придав ей пока значения. За сегодняшний день люди слишком часто боялись бумаги, чтобы каждый испуг считать признанием в краже.

Клим подошёл ко мне, когда выдача закончилась.

— Хочешь понять, как сорок подвод сюда ехали, поедем завтра на Марков двор. Там всем овёс отпускали. Фёдор Алексеич цену за каждую горсть помнит.

— Кто его нам посоветовал?

— Никто. Я сам там останавливался. Четыре версты. По травме тебе немного, по делу в самый раз.

Я попросил у капитана разрешение. Он расспросил Клима, что за двор и кто хозяин, велел взять Якова, если тому понадобится осматривать записи. Яков сказал, что сначала закончит выписи, а мы можем выяснить, какие записи вообще существуют.

Потом капитан открыл небольшой кошелёк. Отсчитал се-

ребро и медь на дорожный расход.

— Клим получит, Клим отчитается. За корм, за ночлег, коли понадобится, за подводы. Даром ничего не брать. Сами потом не разберёте, кто вам правду сказал, а кто за угощение расплатился.

Клим забрал деньги и завернул отдельно от своего кошеля. Я подумал, как много в простых привычках начальника определяет поведение тех, кто при нём служит.

В комнате меня ждали миска, чистая тряпица для повязки и лист, который кто-то подсунул под кружку. На листе был написан итог невыплаченного мне жалованья за три месяца. Семь рублей пятьдесят копеек. Ниже — напоминание о долге за постой, лекарские хлопоты и корм лошади.

Нечаев своей рукой ничего не подписал. Бумага говорила сама: ты тоже здесь живёшь не на воздух, и есть люди, от которых зависит твой завтрашний обед.

Я пересчитал собственные деньги. Небольшие серебряные монеты, медь, ещё старые копейки непривычной формы. Меньше рубля. Яков помог мне разобраться в номиналах и не стал спрашивать, почему мне понадобилось объяснять очевидное. Только посмотрел на повязку.

— Ты всё записывай, — посоветовал он. — Когда память придёт, сам потом прочтёшь.

— А если не придёт?

Он помолчал.

— Тогда хоть запись останется.

Когда я лёг, за дверью уже не было Гаврилы. На скамье храпел кто-то из капитанских. Караул с меня не сняли, но дверь оставили открытой. Я слышал, как в большой комнате Яков читает капитану подготовленное письмо, как Беклемишев просит заменить одну фразу, потом другую.

Двор постепенно затихал. Мне казалось, что через стены доносится запах свежесваренной каши, хотя кухня давно перестала топиться. Я думал об Антоне, о Дарье, которую почти не помнил, и о мальчике, помахавшем мне у амбара.

Свою прежнюю жизнь я вернуть не умел. Здесь пока сумел добиться только одной полной выдачи. На сегодняшний день этого оказалось достаточно, чтобы уснуть.

Глава 5 Дорога считает иначе

Лошадь узнала меня раньше, чем я её. Когда я подошёл, она ткнулась мордой в плечо и принялась искать у меня за пазухой. Я отступил на шаг. Животное решило, что это часть привычной игры, и потянулось следом.

— Хлеба ждёт, — сказал Клим.

Я достал из кармана оставленный с завтрака кусок. Клим перехватил мою руку.

— Много не давай. И на ладонь положи, пальцы подбери. Ты что, с лошадьми прежде не жил?

— Прежде жил. Сегодня всё как в первый раз.

Он принял ответ без расспросов. Проверил подпругу, придержал стремя. Я сел неловко, слишком сильно дёрнув повод. Лошадь повела ухом, но осталась на месте. Она была терпеливее людей.

Клим ехал рядом и не выпускал меня вперёд. Мы выехали из ворот, миновали огороды за двором и спустились к низине. Дорога была изрыта колеями, в которых стояла мутная вода. По краям росли высокие травы, уже тронутые осенней желтизной. Воздух пах сырыми листьями. За лесом, куда не доставал взгляд, лежала страна, которую я знал лишь по картам и книгам.

Я поймал себя на том, что ищу над деревьями провода. Потом — шум мотора. Вместо него раздавались стук копыт

и негромкое позвякивание Клима. Он заметил, как я разглядываю дорогу, и спросил, куда смотрю.

— Пытаюсь вспомнить.

— Тогда на лошадь положись. Она путь знает.

Четыре версты мы ехали долго. Я привык измерять расстояние временем автомобиля. Здесь даже небольшая дорога отнимала силы и требовала внимания. Дважды пришлось спешиться, чтобы провести лошадей через разбитое место. На второй раз я уже справился сам, чем Клим остался доволен.

Постоялый двор стоял возле поворота. Ворота были открыты. Под длинным навесом висели вязанки сена, у колодца двое парней мыли глиняные миски. У стены сушились хомуты. Над дверью жилого дома скрипела простая доска без надписи.

Клим окликнул хозяина. Из-под навеса вышел седой человек в кожаном переднике, обтёр руки пучком соломы и прищурился.

— Селиванов? Опять с господами?

— С одним. Этого кормить легче.

— Когда дорога длинная, все одинаково едят.

Они поздоровались за руку. Потом Клим представил меня. Фёдор Алексеевич Марков снял шапку, но низко кланяться не стал. Спросил, не надо ли покоя после травмы. Я ответил, что прежде хотелось бы поговорить про подводы.

Хозяин сразу перестал улыбаться.

— Которые?

— С рожью Рогова. Восьмого числа.

Он посмотрел на Клима. Тот развёл руками: дело есть дело.

— Сначала в дом. На дворе не говорят.

Внутри было тепло. За перегородкой звенела посуда, кто-то резал капусту: я слышал частый стук ножа. У печи сидел старик, сушил портянки и делал вид, что не слушает. Фёдор Алексеевич провёл нас дальше, в маленькую комнату с окном на конюшню. Там стоял стол, над которым висел пучок трав, и сундук, покрытый чистой холстиной.

— Ведомость есть? — спросил хозяин.

Я достал бумагу капитана. В ней говорилось, что мы разыскиваем сведения о перевозке и просим содействия в проверке. Марков читал медленно, поднося лист ближе к окну. Потом вернул.

— Осматривать мой двор тут не велено.

— Не велено, — подтвердил я. — Мы пришли спросить. Если нужно иное, капитан оформит иначе.

Он немного расслабился.

— А книги зачем?

— Понять, кого кормили и кто расплачивался.

— Людей кормим за деньги. Лошадей тоже. Дальше они своим путём едут. Сколько в мешках, не смотрим.

— От вас этого и не спрашиваю.

Дверь открылась, и женщина поставила на стол кувшин.

На ней было тёмное платье с подвязанными рукавами и чистый передник. Свет из окна ложился на лицо сбоку. Я увидел светлые брови, маленький шрам у подбородка и очень внимательные серые глаза.

— За постой на сколько? — спросила она.

— Доченька, пока поговорим, — ответил Марков.

— Тогда за еду по обычному. А лошадей Клим сам распорядится?

— Сам, Ульяна Фёдоровна, — ответил солдат. — Овса мерку, сена сколько положишь. Всё запишем.

Она кивнула и хотела выйти. Я спросил, она ли ведёт записи.

— Какие?

— За корм и подводы.

— Бывает, я. Бывает, отец. Вам чего надо?

Марков повторил, что приехали по хлебу Рогова. Женщина не удивилась. Только убрала кувшин подальше от моих бумаг.

— Тогда сами записи посмотрим. Вы руками пока не берите, у вас чернила на пальцах.

Клим отвернулся к окну. По тому, как дрогнул его ус, я понял, что он сдерживает смех.

Ульяна открыла сундук. Достала два небольших тетрадных сшива и положила один перед отцом. Другой оставила у себя. Записи были разные: в хозяйской книге неровные строки, в её — тесные, уверенные, с одинаковыми окончаниями

букв. Она сначала перелистала собственную, нашла нужное место и провела пальцем вниз.

— Восьмого. Роговские люди. Десять подвод. Овёс, сено, людям каша. Рассчитались через Федота Кузьмина.

— Десять? — переспросил я.

— Здесь десять написано.

— В другое время того же дня были ещё?

— С рожью? Нет. Поздно уже приехали. Одна ось скрипела так, что в доме слышно было. Подправляли под навесом.

Фёдор Алексеевич забрал у неё книгу, проверил строку и подтвердил. Он вспомнил, что у одного из возчиков захромала лошадь. Тот просил поменять подкову, но кузнеца на дворе не было. Ему дали гвоздей и молоток, он делал сам.

Я достал свою выпись.

— По казённым бумагам на двор прибыло сорок подвод. По четыре куля, каждый по пяти пудов.

Марков поджал губы.

— Я за казённые бумаги не отвечаю.

— И не должен. Возможно, остальные ехали другой дорогой. Или кормились раньше. Мне нужно разделить, что вы видели, а что я предполагаю.

Ульяна взглянула на меня впервые с интересом.

— Раньше могли. Есть объезд через Сухую Ниву. Тут не поедешь — у меня не отметишься.

— Где развилка?

Хозяин взял с подоконника щепку и провёл по столу две

линии. Ульяна тут же отняла щепку, принесла дощечку, на которой прежде считали мелом, и повернула к нам. Дорога из нижних деревень расходилась до их двора. Прямая вела мимо конюшни к Липовому. Другая уходила к частным амбарам и снова сходилась с большим путём севернее.

— По осени там вязко, — сказал Марков. — Но ехать можно. Если лошадей не жалеть.

— А эти десять дальше к Липовому пошли?

— Пошли. Которую ось чинили, до ворот проводили, смотрели, не сорвёт ли колесо.

— Кто проводил?

— Я и парень мой. Работник, не сын. Прошку зовут.

Я записал имя. Ульяна следила, как я пишу. Потом попросила показать, что получилось.

— Тут вы «хозяин показал» поставили. Отец вам под присягой ещё ничего не показывал.

— Верно. Исправлю на «со слов хозяина».

Она удовлетворённо кивнула. В её доме уже бывали люди, которые превращали обычный разговор в чужое обязательство.

Мы расспросили про Федота. Он возил давно, держал две свои подводы, остальных собирал под подряд. Сын помогал при лошадях, мальчишка лет четырнадцати. Ночевали то здесь, то по деревням, в зависимости от того, кто давал корм дешевле. Дом Федота стоял в стороне от дороги, за ручьём. Найти можно было по сломанной берёзе возле плетня.

— Давно видели? — спросил Клим.

— Два дня назад, — ответила Ульяна. — За ремнём приходил. Оставил чинить.

— Не жаловался на кого?

Она закрыла книгу.

— Про жалобы к нему. Приходил, ремень забрал, за работу заплатил.

Я посмотрел на отца. Он опустил глаза к сшиву. В комнате появилась осторожность, которой прежде не было. Я мог начать давить, напомнить про капитанское письмо, потребовать назвать каждое слово Федота. Вместо этого попросил разрешения снять копию одной строки.

— Зачем? — спросила Ульяна.

— Чтобы показать капитану точное число и имя, а не пересказывать по памяти. Вы прочтёте копию и скажете, правильно ли переписано. Я отмечу, что запись частная и относится к корму. Не к приёмке хлеба.

— За работу два гроша, — сказала она.

Марков повернул к ней голову.

— Уля...

— У нас утром люди счёт ждут. Я сижу с господами и считаю их подводы. Бесплатно наше время разве?

Я достал кошелёк.

— Лучше вы перепишите своей рукой. Так ошибки в почерке не будет. Капитану объясню, за что уплачено.

Она чуть прищурилась, проверяя, не смеюсь ли я над ней.

Потом взяла перо и попросила отца подвинуть свет. Я увидел, как быстро и аккуратно она работает. Сначала переписала строку, потом дату, затем на обороте указала, из какой книги снято. Внизу оставила место для подписи отца.

— Сама так придумала? — спросил я.

— Муж учил.

Марков качнул головой, и я не стал продолжать. Только когда Ульяна вышла за едой, хозяин сказал тихо:

— Второй год одна. Мужа на дороге не стало. Бумаги после него разбирали, оказалось, столько людей ему должны, что нам бы год гостей не кормить. А взыскать попробуй. Где роспись не та, где человек умер, где помнить перестал.

Он говорил без просьбы о сочувствии. Скорее объяснял, почему дочь не любит отдавать записи незнакомым людям.

Я узнал эту смесь упрямства и усталости. Видел её у владельцев небольших компаний, которых годами учили доверять крупным партнёрам, пока не наступал момент потребовать оплату.

Обед оказался простым и хорошим: густые щи, печёная репа, хлеб, кусок солонины на двоих. Я попросил счёт заранее. Ульяна перечислила всё, включая овёс, и Клим проверил, что нам действительно отпустили именно столько. При мне солдат пересыпал мерку в торбу и показал, сколько осталось.

— Тоже не верите? — спросила Ульяна.

— Хочу потом помнить, за что заплатили, — ответил он.

Она посмотрела на нас обоих и, кажется, решила, что мы подходящая друг другу компания.

Из общей комнаты донёсся спор. Возчик требовал пустить его лошадь под навес, хотя за корм не платил. Марков встал, но Ульяна опередила отца. Я слышал, как она объясняет: воду дадут, под крышей постоит, но овёс в долг человеку, который прошлую плату оставил у другого хозяина, отпускать не станут. Мужчина повысил голос. Потом она спросила, на каком именно дворе ему дали дешевле, и он неожиданно затих.

Через минуту она вернулась.

— Часто так? — спросил я.

— Часто. Кто громко жалуется, того первым слышат. Тихий иногда последний ест.

Я подумал о Даниле возле кузницы. Он сам меня не искал. Если бы Анисья не указала, я мог бы пройти мимо.

После обеда Клим пошёл к конюшне проверять лошадей. Фёдор Алексеевич вывел его показать починенную ось, отложенную до следующей платы. Мы с Ульяной остались в комнате вдвоём. Она собирала крошки со стола и ссыпала в чашку.

— Вы вправду ничего не помните? — спросила она.

— Кое-что помню. Последнее плохо.

— На восьмое число тоже?

— Да.

Она остановилась.

— Тогда осторожнее с тем, кто за вас помнить возьмётся.

— Вы что-то знаете?

— Я знаю, как с человеком разговаривают, когда он не может ответить. После смерти мужа мне столько его слов пересказали, будто я с другим человеком жила.

Она не смотрела на меня. Крошки легли ровной горкой. Я хотел спросить, был ли прежний Матвей у них в тот день, но понял, что сейчас получу только то, что она сочтёт безопасным.

— Если капитану понадобятся ваши записи, он должен будет объяснить, какие, — сказал я. — И принять так, чтобы потом не пропали. Я попрошу, чтобы вам оставили заверенную копию того, что возьмут.

— Вы можете попросить?

— Могу. Обещать за него не могу.

Она повернулась к окну. Снаружи её отец смеялся над чем-то сказанным Климом. Несколько секунд она слушала этот смех. Потом убрала чашку и сказала:

— Пусть сначала объяснит.

Обратно мы ехали другой тропой, чтобы посмотреть развилку. Клим остановился там, где дорога уходила к Сухой Ниве. Колеи были глубокие, но свежих следов после ночного дождя почти не осталось. Я спешился, присел у обочины и потрогал мокрую глину.

— Отсюда по земле ничего не поймёшь, — сказал солдат. — Сюда каждый день ездят.

— Да. Я скорее ногам отдохнуть дал.

Он без улыбки кивнул. За сегодняшнее утро я узнал несколько вещей, которые прежний Матвей наверняка умел с детства. Не показывать себя всезнайкой было проще, чем делать вид, будто всё забыл только наполовину.

Возле Липового двора Клим спросил:

— Отчего ты не спросил её сильнее? Видно же, не всё сказала.

— Потому что я ещё не знаю, чем она рискует.

— Долг у них Рогову. У многих тут долг.

— А если бы сразу прижал?

— Прижать не хитро. Она отецову книгу в печь сунет, прежде чем тебе отдаст, коли испугается.

Он произнёс это без осуждения. Я убрал копию глубже за пазуху. Иногда лучшим результатом первого разговора было то, что второй ещё оставался возможным.

Яков встретил нас на крыльце. Он проверил строку Ульяны, попросил подтвердить, что заплатили за переписку, а не за нужное показание, и добавил запись к своим выпискам. Потом достал из стопки лист с расчётом дорожных расходов подрядчика.

— Вот что Рогов к счёту приложил. Корм на Марковом дворе — сорок подвод. Расписки хозяина нет, только приказчик указал.

Я положил рядом две бумаги. В одной стояли десять лошадей на корме, в другой — сорок подвод, якобы прошед-

ших там же.

— Может, на трёх разных дворах кормили, — сказал я. — А название одного написали.

Яков удивился.

— Ты его оправдываешь?

— Проверяю объяснение, которое он нам даст.

Мы сидели над бумагами до сумерек. Впервые у пропавшего хлеба появился путь, который можно было исследовать независимо от Нечаевой книги. Я не знал ещё, где искать недостающее, но знал человека, который собирал подводы. И место, мимо которого большая часть этих подвод почему-то не прошла.

Глава 6 Полезный человек

Рогов приехал с хлебом.

Сначала я увидел две подводы, потом самого подрядчика. Он шёл рядом с первой, придерживая рукой край полога, и что-то объяснял возчику. Возле ворот остановился, поздоровался с караульным по имени и спросил, как его жена. Караульный невольно улыбнулся. Рогов уже разговаривал с Еремеем, которого заметил у амбара.

Он оказался моложе, чем представлялся мне по бумагам. Лет пятьдесят, крепкий, с широкой грудью и гладкой бородой. В его одежде не было показной роскоши, зато всё сидело удобно и было добротно сшито. Он не спешил в дом, прежде посмотрел на подводы, на запоры и на солдат у кухни. Люди провожали его с тем вниманием, которое обычно достаётся человеку, способному решить сегодняшнюю беду.

Клим стоял со мной на крыльце.

— Знаешь его?

— Видал, — ответил он. — Полк раз выручил, когда в дороге овёс кончился. Деньги потом вернули с большим скрипом.

— Благодарны были?

— Лошади были.

Рогов поднял голову и заметил нас. Улыбнулся мне, будто мы расстались вчера добрыми знакомыми.

— Матвей Андреевич! Сказывают, упали вы. А я гляжу, уже на ногах. Слава богу.

— На ногах, Лукьян Семёнович.

Имя я произнёс уверенно, за что порадовался себе больше, чем следовало. Рогов как будто ничего не заметил.

— Митьку бы того расспросить, как лошадь держал. Конь у вас смирный. Сам по себе не понесёт.

— Позже расспросим. Сейчас капитан ждёт.

— Пойдёмте, пойдёмте. Я затем и прибыл. Нечаев со вчерашнего дня людей пугает, хлебу дорогу загораживает. Порядок нужен, без порядка разве такое дело вести?

Он вошёл первым, но не по-хозяйски: у двери пропустил меня, заметив, как я придержал стену рукой. Помощь была ненавязчивая и точная. На мгновение мне захотелось принять его за союзника.

Беклемишев принял подрядчика при Якове и Нечаеве. Я сел сбоку, Клим остался у двери. На столе лежали приготовленные вопросы. Капитан поздоровался без холодности, спросил, откуда Рогов ехал и какие бумаги привёз. Тот передал связку, перетянутую шнурком.

— Что при мне было. Другие в новгородском дворе. Служитель обещал следом послать, как разберёт. Ещё крупы немного привёз, двадцать пудов. По прежнему договору, не в милостыню. Людям надо кормиться, пока мы тут считаем.

Я заметил, как Нечаев хотел что-то сказать и передумал. Двадцать пудов были не рожью из спорной партии и про-

ходили по отдельному назначению. Рогов предусмотрел это. Он пришёл помогать, не предлагая примешать к недостаче новый приход.

Капитан велел проверить крупу, принять при годности отдельной записью и сразу перейти к спорному хлебу.

— Восемьсот пудов вы доставили?

— Доставлены по приёмке. Мои люди расписку получили.

— Я спрашиваю, сами были при разгрузке?

— При каждой разгрузке сам быть не могу. Я и на трёх дорогах разом не могу, ваше благородие. Для того приказчики поставлены.

— Кто на этой дороге?

Рогов назвал Семёна Власова. Яков записал. Имя встретилось мне в расчёте дорожного корма.

— Где он ныне?

— По другим подводам распоряжается. Пришлю.

Беклемишев уточнил срок. Подрядчик ответил, что разыщет не позднее двух дней. На вопрос об оригинале полной приёмки сослался на связку бумаг, которую должны прислать из города. В ней находились и документы, нужные ему для окончательного расчёта. Яков отметил это объяснение. Позже мне предстояло не раз перечитывать эту строку.

Потом капитан спросил про отправку хлеба с Липового двора. Рогов повернулся к Нечаеву.

— Это вам лучше знать, Тимофей Данилович. Подводы я давал. Пустые, коли обратно шли. Что на них грузили по

казённому наряду, мне иной раз не объявляют.

Нечаев промокнул лоб.

— Я о том и говорю, что наряды собрать надо.

— Собирайте, — согласился подрядчик. — Я мешать не стану. Моя часть — груз поставить. За чужой амбар не отвечаю.

Они разговаривали, будто не были знакомы ближе обычных участников службы. Но Рогов каждый раз оставлял Нечаеву ровно столько места, чтобы тот мог отступить в предложенную версию. Не придумывал за него распоряжения, не называл отсутствующих документов. Предоставлял местному начальнику заполнить пустоту.

— На Марковом дворе сколько подвод кормили? — спросил капитан.

Яков подвинул выпись расходов.

Рогов посмотрел на неё и не выказал удивления.

— Сорок указано. Могли разом, могли в разные часы. Кто по лошади корм брал, кто за двоих рассчитывался. Приказчик вам точнее скажет.

— Хозяйская запись на десять.

— Так у хозяина и спросить надо. В долг люди брали, со своим овсом ехали, по соседним дворам становились. Название одного в счёт попало. За это поправлю, коли неверно. Но оттого хлеб в мешках не уменьшится.

Объяснение было почти тем же, что я предложил вчера. Я не испытал удовольствия от собственной предусмотритель-

ности. Рогов видел слабое место возражения без всякой моей помощи.

Капитан назначил ему представить список возчиков, сведения об оплате и приказчика. Подрядчик согласился. Ни одной явной лжи мы за разговор не поймали. После часа вопросов у нас стало больше имён и больше бумаг, но ни одного установленного направления, куда исчезли шестьсот пудов.

Уже собираясь уходить, Рогов спросил, кто получил хлеб после прежней партии. Яков назвал несколько групп. Подрядчик покачал головой.

— Вы с Еремея спрашивайте хорошенько. Он человек тихий, да через тихие руки много проходит. У него в списке ещё умершие люди получаются. Мне ваши служители сами жаловались.

Еремея при разговоре не было. Мне захотелось его позвать, но капитан опередил:

— Спросим. Вас про это пока не спрашивали.

Рогов склонил голову.

— Моё дело сказать, коли знаю.

На выходе он задержался возле Якова и уточнил, какая печать нужна на присылаемых бумагах, чтобы не переделывать. Молодой писарь объяснил. Подрядчик выслушал внимательно, поблагодарил и пошёл во двор. Я смотрел ему вслед и понимал, почему люди соглашались с ним работать. Он делал чужие затруднения частью собственного предло-

жения.

За окном крупу уже выгружали. Гаврила стоял при весах, считая мешки вслух. Анисья издали разглядывала новые подводы. Я увидел на её лице надежду, которой не было при моём вчерашнем осмотре.

— Вот так, — сказал Беклемишев, заметив мой взгляд. — Ты ему бумаги предъявил. Он людям крупу привёз. Теперь объясни им, отчего должен стоять под караулом.

— Пока не могу.

— Хорошо, что знаешь.

Он отправил меня с Яковом разбирать полученное. Среди листов были расчёты за наём подвод, расписки поставщиков овса и небольшие долговые записи. Большинство выглядело правдоподобно. На некоторых платежи растянулись на месяцы. Рогов действительно давал в долг и действительно ждал от казны денег. Это не оправдывало недостачу, зато объясняло его вес на дороге.

— Здесь у всех одно на другом висит, — сказал Яков. — Он даст хлеб, ему потом вернут деньги. Из этих денег он возчику. Возчик хозяину. А хозяин у него же зерно на семя берёт. Спросишь с одного — трое прибегут.

— Значит, надо заранее знать, кто прибежит.

Яков вздохнул и приготовил ещё лист.

Мы начали рисовать связи. Не изобретали новое искусство — записывали рядом имена, суммы и основания, чтобы перестать держать всё в голове. Яков оказался особенно

полезен там, где один человек назывался в трёх бумагах поразному: по имени, по отчеству и по прозвищу. Я дважды принял таких людей за разных, он поправил.

Ближе к полудню меня позвали во двор. Рогов ждал возле коновязи. Его возчик проверял ремень на оглобле, приказчик в стороне разговаривал с Нечаевым. Клим стоял так, чтобы видеть всех троих.

— До дому вас не застанешь, Матвей Андреевич, — сказал подрядчик. — Всё при деле. Пройдёмся немного? Нога затекла после дороги.

Я посмотрел на Клима. Он слегка кивнул: слышать будет, даже если пойдёт сзади.

Мы прошли вдоль амбарной стены. Рогов не начинал с хлеба. Спросил, как голова, не нужен ли лекарь получше. Потом заговорил о моём отце. Выяснилось, что они встречались много лет назад — Рогов поставлял фураж, Андрей Степанович сопровождал какую-то команду. Подрядчик рассказал короткий случай, в котором мой отец отказался брать для себя лишнего, пока не выдали солдатам. Я не знал, правда ли это. Но почувствовал, что слушаю внимательнее.

— Ваш батюшка человек был прямой. Таким служить трудно. Хорошо, когда рядом найдётся кто поможет.

— Вы с ним близко знали друг друга?

— Нет. Близко — это годы вместе прожить. А дело помню. Человек в малом виден.

Он не преувеличил знакомство, и от этого рассказ подействовал сильнее. Я понял, что имею дело с умелым собеседником.

Потом Рогов спросил о Дарье.

Я остановился.

— Откуда вы про сестру знаете?

— От вас прежде слышал. Вы гостинец искали, чтоб с надёжным человеком послать. Не сыскали тогда. Бывает, служба заставляет своё забывать.

В чужой памяти ничего не отозвалось. Мне захотелось спросить, какой именно гостинец искал Матвей, но я удержался. Слишком легко было дать этому человеку возможность дополнить моё прошлое.

— Сестра здорова, — сказал я, не имея на то оснований.

— Дай бог. Вещи-то нынче дороги. И жалованье задерживают. Семь рублей с полтиной вам не выдали, верно?

Теперь я понял, кто знал о листе, оставленном у моей кружки.

— Верно.

— Могу авансом дать. По расписке, по всей форме. Вы дворянин, я не сомневаюсь. Вернут своё — отдадите. Или с моим служителем через город переведём, коли нужно сестрице. Пять рублей нынче с собой есть.

Он положил ладонь на кошель, но не вынул его. Оставлял мне возможность самому попросить.

— На каком основании?

— На основании доброго знакомства. С вами и с покойным батюшкой. Неужто беда, если один человек другому поможет?

Мне пришлось подумать. Пять рублей были вполне осязаемы. На них можно было заплатить за постой, отправить Дарье гостинец, перестать пересчитывать медь перед едой. В прошлой жизни я не брал денег у проверяемых. Там у меня было собственное жалованье, банковский счёт и запас на неприятности. Здесь всё это осталось в другом столетии.

Я посмотрел на капитанского солдата, шедшего позади. Если бы взял кошель, Клим увидел бы. Это не было главным основанием отказа, но помогало держать голову ясной.

— Когда дело закончится и мой расчёт получите отдельно от вашего, поговорим о долге. Сейчас не возьму.

Рогов убрал руку.

— Вы думаете, я за бумагу плачу?

— Я думаю, потом это трудно будет разделить.

Он рассматривал меня несколько секунд. Не обиделся. По крайней мере, виду не подал.

— Разумно, — сказал он. — Только вам долго здесь ещё служить. Полезно помнить, что не всякий, у кого деньги, непременно вор.

— Помню.

— А тот, у кого ключи, не непременно бедняк.

Мы дошли до навеса. Рогов остановился, взял с телеги оброненный кусок верёвки, смотал и положил рядом с ремня-

ми. Движение было хозяйское, привычное: вещь не должна валяться в грязи.

— Еремей не всё вам говорит, — продолжил он. — Вы у него спросите, на какие деньги он летом долг отдавал. И почему у него людей на выдаче больше, чем живых в команде. Я вам бедного человека обижать не советую. Я советую не за чужой кафтан судить. У меня кафтан лучше, это верно. Но к амбару у него ключ.

Я не ответил. Передо мной предлагали вполне удобный путь. У Еремея были ключи, неясные выдачи, возможно — лишние деньги. Старик уже боялся проверки. Нажать на него было гораздо проще, чем распутывать связи человека, который кормил дорогу.

— Сколько хлеба могли незаметно вывезти за четыре дня? — спросил я.

Рогов усмехнулся.

— А вы уверены, что за четыре? В книги иной раз старое новым приходом прикрывают. Вам выпись кто дал? Нечаев. Ему верите? Вот и разобрались бы сперва внутри.

Он поймал меня на слабом месте. Пока я не восстановил начальный остаток и предыдущие партии, нельзя было окончательно утверждать, что все шестьсот исчезли именно восьмого числа. Я подозревал это, но подозрение не было доказательством.

— Разберёмся, — сказал я.

— Надеюсь. Мне тоже не нужно, чтобы по чужой вине на

моё имя тень падала.

Он простился и пошёл к подводам. Люди расступились. Одному возчику Рогов дал мелкую монету, другому велел забрать пустую тару. К Еремею не подошёл.

Когда подводы выехали, Клим встал рядом со мной.

— Не взял?

— Не взял.

— И хорошо. Потом за долгом придут, когда неудобно.

— Он всегда такой обходительный?

— Когда всё по нему, бывает добрее. Когда против — тоже сперва обходительный.

Я вернулся к капитану и пересказал разговор. Включая деньги, отца и сестру. Беклемишев слушал, раскладывая на столе какие-то полученные письма.

— С чего ты решил, что он виноват? — спросил он наконец.

— Не решил окончательно. Хочу проверить все части поставки. Но он очень последовательно уводит нас к одному человеку.

— А ты не уводи от него только потому, что он беден. Еремея тоже проверишь. И Нечаева. И себя.

— Начальный остаток поднимем. Предыдущие партии, выдачи, разгрузку. Тогда станет ясно, не старую ли недостачу прикрыли новой приёмкой.

Капитан кивнул.

— Вот теперь работай.

Из кухни донёсся стук новой мерки. Принимали роговскую крупу. Люди, которым она предназначалась, не знали и не должны были знать, что я отверг предложенные поставщиком деньги. Их интересовало, хватит ли еды до следующего подвоза. Я посмотрел в окно и впервые отчётливо почувствовал, что хорошее мнение о себе не поможет мне выполнить эту работу.

Для этого придётся найти хлеб.

Глава 7 Груз и деньги

Утром Яков принёс мне старую приходную книгу. Положил на стол раскрытой и придержал ладонью потрескавшийся корешок.

— Вот прежний остаток. А то мы всё об одном приходе говорим.

Перед восьмым числом в хлебном амбаре оставалось шесть пудов. Их выдали работным людям, после чего настил подмели и осмотрели. При записи стояло имя Еремея, ниже — караульного, который присутствовал. Книгу до нас вели неровно, но эта часть подтвердилась двумя отдельными расходными росписями. Шестьсот пудов старой недостачи здесь не помещались.

— Караульного нашёл? — спросил я.

— Не нашёл пока. Команду сменили, он в Новгород ушёл. Запросим. Но Еремей не один писал, это важно.

Яков сел рядом. От недосыпа у него покраснели веки. На манжете засохла капля воска.

— Нечаев говорит, после восьмого хлеб обратно на подводы клали. По распоряжению проезжего комиссара. Имени не помнит. Росписи тоже нет.

— А Еремей?

— С амбара столько не отпускал. Работников спросил — тоже не видели. Но ночью все под замком не сидят, могли

пропустить.

Я посмотрел на начальный остаток. Из десятка спорных обстоятельств мы сумели убрать одно. Это было немного, но я почувствовал облегчение. Вместо расплывчатого «на дворе всегда воруют» появлялся определённый промежуток времени.

Мы разложили бумаги на полу, потому что стола уже не хватало. Яков рассердился, подложил под каждый лист чистую холстину и потребовал, чтобы я снял сапоги, если собираюсь ходить между документами. Я подчинился. Сапог без чужой помощи стянул со второго раза.

Роговский расчёт состоял из нескольких частей. За рожь по договору — сто сорок четыре рубля. В эту цену входила доставка. Отдельный перечень расходов был объяснением подрядчика, почему его требование окончательного расчёта нельзя задерживать. Наём подвод, корм, плата приказчику, мелкие починки. Сумма на дорогу уже входила в цену хлеба; второй раз начислять её казне по этим листам не собирались.

— Значит, на корме сам себе расписал, — сказал Яков.

— Или приказчик ему расписал. Эти деньги могли украсть у самого Рогова. Нужно разделить.

— Ты опять его бережёшь.

— Я хочу, чтобы он не объяснил нам всё одним вороватым приказчиком.

Яков задумался, потом переписал заголовок. Вместо «лживые издержки» поставил «издержки к выяснению». У

него хватало хорошей злости на небрежные бумаги, но суждение он менял, если видел основание.

Мы составили три коротких перечня. Кто груз отправил, кто вёз, кто принял. Напротив каждого имени оставили место для подтверждения. Я назвал это движением партии. Яков назвал «путь хлеба» и подчеркнул по-своему.

До обеда мы успели показать капитану, что прежними остатками пропажу не закрыть. Он распорядился взять пояснения с тех, кто был при подметании амбара, и разрешил ехать к Федоту. С нами отправился Яков.

Лошадь ему дали невысокую, лохматую, с выражением терпеливого недоверия. Писарь обошёл её кругом, проверяя седло. Клим наблюдал издали.

— Пиши на ней аккуратно, — посоветовал он. — У неё почерк плохой.

Яков не ответил, но через минуту сам усмехнулся. Мне понравилось, что он не старался изображать бывалого всадника. Свою полезность он знал и без этого.

До Федотова дома мы добрались к середине дня. Берёза возле плетня действительно была сломана, но по весне, а не недавно: из-под облома успели вырасти молодые побеги. У ворот стоял мальчишка с обручем от колеса. Увидев Клима, спрятал железо за спину.

— Отец дома? — спросил солдат.

Мальчик перевёл взгляд на меня. Побледнел так заметно, что мне стало не по себе.

— По делу к нему, — добавил я. — Не ругаться.

Из дома вышла женщина. Попросила нас подождать у ворот и скрылась обратно. Мы не успели спешиться, как появился Федот — жилистый, с обветренным лицом и светлой щетиной. Он долго смотрел на меня, потом снял шапку.

— Матвей Андреич. Говорили, разбились вы.

— Жив, как видишь. Хотим про восьмое число спросить.

Федот кивнул, будто другого вопроса и не ждал. Пустил нас во двор, но в дом не пригласил. Мы сели на доску возле сарая. Клим остался чуть в стороне, разговаривал с мальчиком о колесе. Яков устроил на коленях жёсткую папку.

Я начал с простого: откуда ехали, когда грузились, сколько подвод было под его рукой. Федот отвечал коротко. После третьего вопроса сам попросил Якова читать каждую записанную строку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.